

владея не только литературным греческим языком классической эпохи, но и живыми народногреческими диалектами своих современников, жителей Византии, с которыми ему приходилось непосредственно встречаться, смело вводил в языковую ткань своего произведения слова из устной речи простого народа.

Наконец, необходимо еще раз указать на то, что внимательное изучение языка древнерусской переводной письменности киевского периода во многом обогащает наши знания древнерусского литературного языка и помогает лучше уяснить значение многих редких слов и выражений, встречающихся и в оригинальных памятниках древнерусской письменности, как собственно литературного, так и делового содержания. Так, прилагательное «бѣбрянь», обычно понимаемое в «Слове о полку Игореве» как обозначение бобрового меха, может быть истолковано как обозначение драгоценной шелковой или виссонной ткани. По крайней мере в таком значении прилагательное «бѣбрянь» и существительное «бѣбрь» встречаются в трех независимых друг от друга памятниках переводной письменности: в «Истории» Иосифа Флавия, переведенной с греческого, в книге «Есфирь», переведенной с еврейского, в «Повести об Акире Премудром», по-видимому, переведенной с сирийского.¹⁷

В том же «Слове о полку Игореве» «похытиши» в сочетании «преднюю славу сами похытим» может иметь значение не «насиловать и завладеть», а «подхватить», «поддержать что-либо падающее»; подобные значения мы находим для того же глагола в переводе «Истории» и в переводе «Иосиппона».¹⁸

Фразеология, присущая языку переводной письменности, широко распространилась в киевскую эпоху и отразилась даже в деловом письме, и в частности в языке новгородских грамот на бересте. Иногда самый смысл памятника становится ясным лишь при условии привлечения для его истолкования фразеологии переводов. Так, древнейшая грамота № 9, относимая обычно к XI в., до сих пор не может быть удовлетворительно прочитана и понята: спорят даже о том, женщина или мужчина является ее автором.¹⁹ Привлекая сопоставительный материал из памятников переводной письменности, мы можем категорически утверждать, что грамоту эту могла написать только женщина, и притом оставленная мужем жена. Сочетание «поустилъ же мя, а иноую поялъ» может в древнерусских письменных памятниках иметь только одно широко засвидетельствованное значение: «развестись с одной женой и жениться на другой».

Приведем для сравнения ряд текстов древнерусской переводной письменности XI в. В «Александрии» говорилось об Олимпиаде, жене Филиппа, царя Македонского: «прослуло бо ся бяше о неи яко же приидеть Филипъ с воины, сию пустити хоцеть, а иную пояти». В переводе «Истории» Иосифа Флавия мы читаем о подобных семейных ситуациях: «приимати напасти от своєю жены, от Мариамы, юже поят, пустив первую, Дориду иерусалимляныню» (кн. I, гл. XXI, ч. 1). Заключительная концовка в той же грамоте № 9 — «доеди, добръ сътвори» — также содержит устойчивое словосочетание (в данном случае формулу вежливости), соответ-

¹⁷ Н. А. Мещерский. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки ЛГУ, № 198, Серия филологических наук, в. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Л., 1956, стр. 3—9.

¹⁸ Н. А. Мещерский. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958.

¹⁹ См. различные толкования смысла грамоты № 9 в книге: Палеографический и лингвистический анализ новгородских грамот на бересте. Изд. Института языкознания АН СССР, М., 1956, стр. 196.